
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.752

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.13

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ КАК ИСТОЧНИК ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

TYOLOGICAL FEATURES OF THE MODERN RUSSIAN FAMILY AS A SOURCE OF REPRODUCTION OF SOCIAL INEQUALITY

Аперян Анна Валериевна

Аспирант,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: a.v.aperyan@yandex.ru

Anna V. Aperyana

Post-graduate student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: a.v.aperyan@yandex.ru

В данной статье рассматриваются разные типы семьи как источник воспроизводства разных форм социального неравенства. Доказывается, что семья оказывает влияние на воспроизводство четырех форм социального неравенства: образовательного, экономического, регионального и гендерного. Образовательное и экономическое производны от ресурсного потенциала семьи, а региональное и гендерное – от её типологических особенностей. Сопоставление зависимостей между ресурсными,

This article discusses different types of families as a source of reproduction of forms of social inequality. It is proved that the family influences the reproduction of four forms of social inequality: educational, economic, regional and gender. Education and economics are derived from the resource potential of the family, and regional and gender from its typological features. A comparison of the dependencies between resource, communicative and contextual variables in terms of the obtained values, showed that the leading role in the re-

коммуникативными и контекстуальными переменными по полученным значениям показало, что ведущая роль в воспроизводстве социального неравенства принадлежит месту проживания семьи.

production of social inequality belongs to the place of residence of the family.

Ключевые слова: семья; социальные ресурсы семьи; качество семейной коммуникации; семейный капитал; типы семьи; социальное неравенство; социальный статус.

Keywords: family; social resources of the family; quality of family communication; family capital; types of family; social inequality; social status.

Введение

Прежде всего, мы будем отталкиваться от идеи, согласно которой социальное неравенство образуется через «закупоривание» или даже «пересыхание» каналов социальной мобильности. В результате этого семья начинает играть роль социального института, типичного для традиционного общества, где она является ведущим фактором по воспроизводству социального неравенства. Семьи с высоким потенциалом объективных социальных ресурсов воспроизводят высшие страты, со средним – средние, а с низким – низшие. Эту общую схему мы уточним в рамках типологического контекста, обозначив наиболее проблемные зоны функционирования российской семьи с точки зрения её способностей по реализации социальных устремлений молодежи. Кроме того, будут обозначены причины обретения семьей новой роли, не свойственной ей в 90-е гг. Это необходимо для понимания того, есть ли какие-нибудь различия в процессах, проходящих в российском обществе, с точки зрения воздействия на него семьи как фактора воспроизводства социального неравенства.

Исследования, проводимые российскими социологами в 90-е гг. на предмет выяснения значимых факторов и ресурсов, воздействующих на механизмы формирования модели социального неравенства в российском социуме, показали, что семья практически не рассматривалась респондентами в обозначенном качестве, т. е. как фактор или ресурс, обуславливающий социальные траектории по обретению социальных статусов. Социальные ресурсы родителей в своей массе не играли ведущей роли в формировании социального статуса своих детей, хотя и оказывали на их статусы определенное, в основном опосредованное воздействие, исключая небольшие сформированные в начале 90-х гг. группы элит (Дементьева, 1995. С. 81–84). С середины нулевых годов социологические опросы фиксируют совсем другие результаты (Аналитический доклад ... , 2013). В нашей статье мы покажем,

какие формы социального неравенства воспроизводятся в российском социуме под воздействием тех социальных процессов, которые протекают в семье.

Статья написана на основе авторского социологического опроса, проведенного в форме анкетирования. Исследование проводилось среди населения четырех федеральных округов – Южного, Приволжского, Уральского и Сибирского. В качестве критериев для отбора респондентов применялись пол, возраст, место жительства, профессиональный статус, образование. Тип выборки – невероятностный, в форме квотной выборки. Репрезентативность квотной выборки обеспечивается на основе принципа пропорционального соответствия. Ведущий критерий отбора респондентов – место жительства. В каждом из четырех федеральных округов опрошено по 400 респондентов: по 100 соответственно каждому из четырех типов поселения (сельская местность, малый город, средний город, город-миллионник). Дополнительная стратификация по возрасту, полу, составу семьи (количество детей, количество родителей, наличие расширенных межпоколенных связей) осуществляется внутри каждых 100 респондентов, опрашиваемых в соответствующем населенном пункте. Отбор респондентов осуществляется на основе равного представительства разных типов семей. Выборочная совокупность составляет 1600 респондентов. Период проведения опроса: 22.02.2019–23.04.2019.

Основная часть

Все возникающие формы социального неравенства следует выводить, во-первых, от ресурсного потенциала семьи; во-вторых, её типологических особенностей. Полученные через авторский социологический опрос данные позволяют сконструировать следующую схему. Ресурсный потенциал семьи влияет на возникновение образовательного и экономического неравенства, а типологические характеристики – гендерного и регионального. Именно эти четыре формы социального неравенства мы будем в дальнейшем анализировать, обращаясь как к проведенному нами исследованию, так и к работам социологов.

Образовательный ресурс показал высокую степень своей значимости в качестве фактора, структурирующего социальное пространство. Разные образовательные возможности семей отражаются в презентации респондентами своих социальных статусов. При этом образование родителей оказалось не намного менее релевантным, чем экономические ресурсы семьи и порядок их использования в процессе оказания помощи детям на разных этапах их профессионального станов-

ления. Кроме того, везде четко просматриваются медианы, состоящие из нисходящих значений, в которых отражаются зависимости между влиянием уровня образования родителей и различными типами семьи. При этом первые два типа семьи выявили приоритетное значение типологического контекста по сравнению с образовательным ресурсом, а вторые показали большее значение именно образовательных возможностей родителей.

Надо заметить, что образование как фактор формирования социального неравенства очень обстоятельно изучен российскими социологами, подошедшими к его рассмотрению с разных позиций. Так, в ходе исследования, проведенного Н.Г. Луняковой, было установлено, что высшее образование имеют менее 10 % одиноких матерей (Лунякова, 2001. С. 30–37). Между тем, по статистическим данным начала 2000-х гг., в проанализированной возрастной группе женщин дипломом вуза обладали свыше трети этой социальной категории населения. Приведенные дифференциации сами по себе не могут считаться социальным приговором, но, как показывают другие исследования, родители с высшим и средним образованием совершенно по-разному определяют социальные траектории своих детей. Разница была хорошо определена на примере исследования, проведенного Л.Л. Шпаковской. Социолог отмечает, что в семьях рабочего класса отсутствует четкое понимание того, какие стратегии необходимо использовать для выбора высшего учебного заведения и каким образом следует оценивать качество образовательных услуг, что, безусловно, сказывается в будущем на качестве получаемого их детьми образования, а впоследствии – на их социальном статусе (Шпаковская, 2015. С. 219–227).

Образовательное неравенство тесно связано с экономическим, хотя прямая связь здесь просматривается с разными образовательными возможностями в семьях разных типов, а не с влиянием образования родителей на будущий социальный статус их детей (Верещагина, 2018. С. 13–18).

Ведущую роль экономического неравенства в воспроизводстве неравенства социального подтверждают исследования ученых, в частности социологический опрос ульяновских социологов О.В. Шиняевой и Ю.В. Ушковой. Обобщая данные опроса, авторы отмечают, что «из трех компонентов семейного капитала молодое поколение ниже всего оценило уровень экономического ресурса родительской семьи прежде всего потому, что реформы “съели” все накопления рядовых россиян. Состояние человеческого и культурного компонентов семейного капитала оценивается молодыми людьми на среднем уровне отчасти пото-

му, что часть ресурсов нематериального происхождения была утрачена при переходе к новым идеологическим устоям рыночной экономики; но больше по причине неполного соответствия культурных и человеческих ресурсов родителей требованиям динамично меняющегося социума» (Шиняева, 2018. С. 127–132).

Таким образом, учет фактора экономического неравенства подтверждает, что в современных условиях высокостатусные семьи воспроизводят богатых, среднестатусные – акторов среднего достатка, а низкостатусные – бедных (Сажина, 2016. С. 37).

Далее обратимся к двум другим формам неравенства, производным от типологического контекста семьи: региональному и гендерному.

Региональное неравенство хорошо проявляется через такой критерий, как тип поселения, в рамках которого мы выделили четыре контекстуальные переменные: семья из города-миллионника, среднего города, малого города и сельской местности. Наше исследование показало четкую зависимость между местом жительства семьи и социальным статусом респондента с точки зрения его самопрезентации по предлагаемой ранговой шкале. Для удобства восприятия отраженные результаты мы перенесем в одну сводную таблицу. Содержательное наполнение таблицы будет отражать уже апробированную схему: сопоставление лидера контекстуальной переменной (город-миллионник) с аутсайдером ресурсных и коммуникативных переменных и, соответственно, лидера ресурсной и коммуникативной переменных с аутсайдером контекстуальной переменной (сельская местность).

Данные из сводной табл. 1 показывают, что для воспроизводства социального неравенства региональный аспект имеет большее значение, чем ресурсный. Некоторую конкуренцию в системе релевантностей ему составляют экономические и социальные ресурсы, но и в этом сопоставлении территория проживания семьи обладает более существенной степенью значимости, чем всё остальное.

Эти данные подтверждаются результатами исследований социологов, изучавших влияние региональных особенностей на образовательные стратегии семей из разных типов поселений. Анализировавшая данную проблематику в период конца нулевых годов И.А. Плохова установила, что наиболее худшие результаты оказались в семьях, проживающих в сельской местности, так как 67 % респондентов заявили о неспособности обеспечить своим детям получение высшего образования из-за принадлежности к низкодоходным семьям. Чуть менее худшие результаты были выявлены в семьях из малых городов, где о

сложностях обеспечения учебы детей в вузах заявили 60 % респондентов (Плохова, 2009. С. 32–40).

Таблица 1

Региональный аспект ранговых значений самопрезентации социального статуса респондентов в сопоставлении ресурсных, коммуникативных и контекстуальных переменных

Вид ресурса	Переменные	Ранговые значения
<i>Объективные семейные ресурсы</i>		
Образование отца	Город-миллионник / начальное образование	6,15
	Сельская местность / высшее образование	4,79
Образование матери	Город-миллионник / начальное образование	6,05
	Сельская местность / высшее образование	4,56
Материальная обеспеченность родительской семьи	Город-миллионник / низкий доход	6,19
	Сельская местность / высокий доход	5,12
Длительность оказания существенной материальной помощи детям	Город-миллионник / родители до сих пор оказывают мне материальную помощь	5,45
	Сельская местность / получал(а) материальную помощь, пока не стал(а) зарабатывать достаточно	5,20
<i>Субъективные семейные ресурсы</i>		
Характер семейной коммуникации	Город-миллионник / вместе собирались крайне редко	6,52
	Сельская местность / делились впечатлениями о прожитом дне	5,03
Помощь родителей во время учебы в школе	Город-миллионник / мало интересовались моей учебой в школе	6,16
	Сельская местность / объясняли домашние задания при наличии у меня затруднений	5,13
Заинтересованность в совместном проведении досуга	Город-миллионник / родители занимались своими делами, а я своими	6,12
	Сельская местность / у нас была дружная семья, мы часто проводили время вместе	5,04
Социальный круг общения родителей	Город-миллионник / мои родители вели изолированный образ жизни	6,53
	Сельская местность / у моих родителей был широкий круг знакомых (родственников)	5,29

И, наконец, рассмотрим гендерное неравенство. Это последняя из четырех форм социального неравенства, которые нам удалось выделить на примере изучения роли семьи в анализируемом качестве. Здесь сопоставляются три вида объективных семейных ресурсов (образова-

ние, доходы, продолжительность оказания материальной помощи детям) с разными типами семей с учетом гендерного аспекта. В рамках предложенной методики исследования мы можем выделить его через разницу влияния на социальный статус респондентов образования отца и образования матери, а также учет материальных ресурсов и характера их использования в монородительских отцовских и материнских семьях.

Таблица 2

**Гендерный аспект ранговых значений самопрезентации
социального статуса респондентов в сопоставлении
типов семьи и объективных ресурсов семьи**

Ресурсы семьи		Зависимость ранга от ресурса	
1. Образование родителей		Высшее образование отца	Высшее образование матери
Типы семьи	Город-миллионник	7,41	6,83
	Однодетная семья	7,52	6,79
	Полная семья	7,42	7,01
	Многопоколенная семья	7,44	7,03
	Монородительская отцовская семья	5,89	–
	Монородительская материнская семья	–	4,91
2. Доходы семьи		Высокий доход	
Типы семьи	Монородительская отцовская семья	7,25	
	Монородительская материнская семья	7,21	
3. Продолжительность получения от родителей материальной помощи		Получал(а) материальную помощь, пока не стал(а) зарабатывать достаточно	
Типы семьи	Монородительская отцовская семья	7,26	
	Монородительская материнская семья	7,15	

Данные из таблицы формально свидетельствуют о том, что наибольшая роль в воспроизводстве социального неравенства в семье принадлежит не столько гендерному, сколько экономическому неравенству. Если мы сравним масштаб влияния экономических ресурсов на респондентов из монородительских отцовских и материнских семей, то большой разницы в ранговых показателях, фиксирующих социальный статус, не увидим. Однако это не должно вводить в заблуждение, так как высокодоходных семей одиноких матерей в принципе немного (Чурилова, 2015. С. 25–33; Сажина, 2015. С. 21). Куда больший интерес вызывает тот факт, что образование отца оказывает на много более существенное влияние на социальный статус своих детей, чем образование матери. И эта зависимость прослеживается по всем типам семей. Различия в значениях от одного к другому типу семьи колеблются в диапазоне от 0,41 до 0,98 балла.

Выводы

Подведем общий итог рассмотренным вопросам. В последние полтора десятилетия происходит трансформация роли семьи как фактора воспроизводства социального неравенства. Из второстепенного она становится ведущим. Указанная эволюция проявляется в том, что в современных российских семьях родители выбирают те стратегии передачи социального статуса своим детям, которые в большей степени характерны для традиционных, чем модернистских обществ. В итоге личные ресурсы молодежи перестают быть ведущим условием, обеспечивающим ей желаемую траекторию социального движения. Семья оказывает влияние на воспроизводство четырех видов социального неравенства, актуальных для формирования статусных характеристик молодежи: образовательного, экономического, регионального и гендерного. Образовательное и экономическое производны от ресурсного потенциала семьи, а региональное и гендерное – от её типологических особенностей. Сопоставление зависимостей между ресурсными, коммуникативными и контекстуальными переменными по полученным значениям показало, что ведущая роль в воспроизводстве социального неравенства принадлежит месту проживания семьи. Его значимость выше, чем образовательные и материальные ресурсы семьи, а также те её коммуникативные характеристики, которые производны от качества семейной коммуникации. Таким образом, типологический контекст показывает приоритетное значение неравенства региональных возможностей в воспроизводстве социального неравенства. По всем

другим видам зависимостей релевантность форм неравенства, воспроизводимых семьей, можно выстроить в таком порядке: экономическое – вторая позиция, гендерное – третья, образовательное – четвертая. Применение типологического контекста показывает, что для достижения высокого социального статуса труднее всего социальные акторы преодолевают недостаток объективных и субъективных ресурсов семьи, если он обусловлен региональным неравенством (сельские семьи и семьи из малых городов), далее имеет значение экономическое неравенство (монородительские и многодетные семьи), третьим по релевантности идет гендерное неравенство (монородительские материнские семьи), наименьшая роль выявлена у образовательного неравенства (отсутствие у родителей высшего образования).

Литература

Аналитический доклад ИС РАН на тему «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя» (2013 год). Режим доступа: https://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html?&printmode.

Верещагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Неоматриархат в условиях кризиса патриархальной семьи: становление новой гендерной картины мира // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 13–18.

Дементьева И.Ф. Семья в системе стартовых жизненных условий старшеклассников // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 81–84.

Луныкова Л.Г. О современном уровне жизни одиноких матерей // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 30–37.

Плохова И.А. Доступность высшего образования и ее социальные последствия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 32–40.

Сажина Л.В., Ковалев В.В., Петрова М.В. Гендерный анализ современных моделей поведения студенческой молодежи: прикладное исследование // Инженерный вестник Дона. 2015. Т. 35, № 2.1.

Сажина Л.В., Ковалев В.В., Петрова М.В. Проблемы готовности современной

References

Analytical report of IS RAS on «Poverty and inequality in modern Russia: 10 years later» (2013). Available at: https://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html?&printmode.

Vereshchagina, A.V., Kovalev, V.V., Samygin, S.I. (2018). Neomatriarchy in the crisis of the Patriarchal family: the formation of a new gender picture of the world. *Gumantarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 3, 13-18. (in Russian).

Dementieva, I.F. (1995). Family in the system of starting life conditions of high school students. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 6, 81-84. (in Russian).

Lunyakova, L.G. (2001). On the modern standard of living of single mothers. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 3, 30-37. (in Russian).

Plokhova, I.A. (2009). Accessibility of higher education and its social consequences. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 3, 32-40. (in Russian).

Sazhina, L.V., Kovalev, V.V., Petrova, M.V. (2015). Gender analysis of modern models of behavior of students: applied research. *Inzhenernyy vestnik Dona*, 35, 2.1. (in Russian).

Sazhina, L.V., Kovalev, V.V., Petrova,

российской молодежи к созданию семьи: идеальные и реальные поведенческие модели // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 40, № 1.

Чурилова Е.В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 25–33.

Шиняева О.В., Ушкова Ю.В. Семейный капитал и его зависимость от социальных характеристик семей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 127–132.

Шпаковская Л.Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 2. С. 212–227.

M.V. (2016). Problems of readiness of modern Russian youth for creation of a family: ideal and real behavioral models. *Inzhenernyy vestnik Dona*, 40, 1. (in Russian).

Churilova, E.V. (2015). Composition and welfare of single-parent families in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 3, 25–33. (in Russian).

Shinyayeva, O.V., Ushkova, Yu.V. (2018). Family capital and its dependence on the social characteristics of families. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 1, 127–132. (in Russian).

Shpakovskaya, L.L. (2015). Educational claims of parents as a mechanism of reproduction of social inequality. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 13, 2, 212–227. (in Russian).

Поступила в редакцию

27 августа 2019 г.